

Ю. М. ЛОТМАН

О слове «папорзи» в «Слове о полку Игореве»

Среди неясных мест текста «Слова о полку Игореве» единого толкования до сих пор не получило обращение к князьям Роману и Мстиславу: «Суть бо у ваю железныи папорзи под шеломаы латынскими». Первые публикаторы «Слова» перевели его: «У вас латы железные под шлемами латынскими».¹ В дальнейшем, исходя из этого толкования, Ф. И. Буслаев попытался искусственно образовать слово «паперси». Более убедительным кажется указание акад. В. Н. Перетца на встречающееся в памятниках слово «поперсьци» в значении «панцырь». Это чтение принято в издании «Слова» в Большой серии «Библиотеки поэта», где к тексту перевода акад. А. С. Орлова делается поправка: «Ведь у вас железные панцыри (защитники) под шлемами латынскими».² А. Югов, не объясняя причины, меняет «нагрудный панцырь» акад. В. Н. Перетца на «оплечья железные».³

Акад. А. С. Орлов в книге «Слово о полку Игореве» (Изд. АН СССР, М.—Л., 1946) предложил другое толкование: слово «папорзи» он заменил через «паропци» или «паробци» и перевел как «железные молодцы под шлемами латынскими». Это толкование принято Д. С. Лихачевым.⁴

Таким образом, налицо две наиболее признанные конъектуры: «папорзи» объясняется как «поперсьци» и как «паропци». Однако принятие каждого из них сопряжено с известными затруднениями как формального, так и смыслового характера.

Содержащееся в обоих известных нам текстах «Слова» (издание 1800 г. и екатерининская копия) слово «папорзи» — явная ошибка переписчика. Следовательно, любая конъектура должна быть не только удовлетворительной в смысловом отношении, но и объяснимой палеографически.

В первом случае следует предположить, что переписчик, заменив «поперсьци» словом «папорзи», не только спутал начертания «а» — «о», «о» — «е», но и заменил по непонятным причинам сочетание «сьцъ» буквой «зъ». Во втором случае эта сторона дела обстоит благополучнее: своеобразная графическая метатеза, замена «роп» через «пор», представляет вполне

¹ Ироническая песнь о походе на половцев удельного князя Новагорода-Северского Игоря Святославича. М., 1800, стр. 31—32.

² Слово о полку Игореве. Л., 1952 (Библиотека поэта, Большая серия), стр. 73.

³ Слово о полку Игореве. Перевод и комментарии А. Югова. Изд. «Советский писатель», 1945, стр. 83.

⁴ См.: Слово о полку Игореве. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950 (сер. «Литературные памятники»), стр. 67 и 93, обоснование — стр. 446; Слово о полку Игореве. Л., Изд. «Советский писатель», 1949 (Библиотека поэта, Малая серия, второе издание), стр. 103 и 194.

возможную ошибку переписчика. Значительно труднее объяснить путаницу начертаний знаков «з» и «ц», весьма далеких в графическом отношении в период, которым предположительно датируется утраченная рукопись «Слова».

Известные возражения вызывает и смысловая сторона дела. Из двух различных толкований первое более соответствует характеру образной системы «Слова», одна из специфических черт которой состоит в том, что употребление того или иного слова в качестве поэтического символа не снимает также конкретности и точности употребления его в прямом значении. Этот устойчивый прием приводит к тому, что большинство развернутых метафор «Слова», выражая то или иное отвлеченное понятие, одновременно дает в своем первичном значении весьма точную картину быта: военного, охотничьего и т. д. В данном случае, если принять первое толкование, одно слово, в первичном значении обозначая деталь вооружения («шлем»), соотносится с равнозначным по смысловому ряду термином («панцырь») (такое чтение хорошо объясняется и эпитетом «железный»), — а оба они вместе выступают во вторичном значении как символическое выражение мужества князей.

Однако подобное чтение встречает и затруднения. При характерной для автора «Слова» профессиональной точности в описании деталей воинского снаряжения остается непонятной натянутая формула «панцыри под шлемами». Это психологически объясняет не оправданное никакими иными соображениями стремление А. Югова ввести в текст «оплечья железные».

Второе чтение представляет еще большие трудности, поскольку выражение «железные паробци под шеломи латиньскими» дает смешение метафорического («железные паробци») и прямого («латиньские шеломи») словоупотребления и не создает выдержанного образа.

Указанные трудности, как нам кажется, отпадут, если принять другое чтение спорного слова. В памятниках встречается слово «павороза», объясняемое И. И. Срезневским как «привязка, петля для привязывания предмета к руке»: «Бе бо у него топор с паворозоу в руце» (Сузд. л. 6724 — по Академическому списку).⁵ И. И. Срезневский дает также и неполногласную форму — «павраз», поясняя, что она «жива и доселе в западнославянских наречиях, не только северных, но и южных: в хорутанском со значением „веревка“, в хорватском со значением „веревочной или проволоочной рукоятки у сосуда“». В значении «веревка», «завязка» это слово известно в польском языке (rowiódz). С этим, вероятно, связана встречающаяся в памятниках форма «поворуза».⁶

Однако памятники дают и другое, весьма интересное для нас значение этого слова — «тесемка при головном уборе»: «Пропало у него Сенки три нашивки женских красных да паворозы от головодца».⁷ Если вспомнить начертание квадратного «В» в полуставе, то факт случайной замены его буквой «п» не вызовет никакого удивления. Получившееся таким образом начертание «паворозы» утратило смысл, и пропуск в дальнейшем одного «о» в непонятном слове представляется возможным.

⁵ Срезневский, Материалы, т II, стлб 856

⁶ Там же, стлб. 1003.

⁷ Кунгурские акты XVII в Изд А Г Кузнецова. СПб., 1888, стр. 10. Пример заимствован из картотеки словаря древнерусского языка Института языкознания АН СССР.

Вполне вероятно и другое объяснение. А. И. Соболевский, указывая, что «великорусские говоры вообще склонны к опущению в середине слов неударных гласных»,⁸ приводит примеры исчезновения в неударном положении одного из гласных компонентов полногласного сочетания: «скорлупа» (из «скоролупа») и «горностай», кстати, встречающийся в тексте «Слова». Возможно, что этим и следует объяснить превращение «паворозы» в «паворзы». Последнее тем более вероятно, что мы располагаем фактом аналогичного пропуска другого «о» в том же слове. Памятник XVII в., не учтенный в древнерусских словарях (в том числе и в картотеке словаря древнерусского языка Института языкознания АН СССР), упоминает «паворзы тканые золота серебром».⁹

Таким образом, палеографический анализ и факты из истории языка подкрепляют вероятность предлагаемой нами конъектуры. В таком употреблении слово «паворозы» должно означать чешуйчатый ремешок, прикрепляющий шлем к подбородку. Это хорошо объясняет, почему «железные паворозы» (или «паворзы») оказались под «шеломами латинскими». Подобное, весьма точное, описание снаряжения воина XII в. имело и другой обобщенно-символический смысл. Памятники дают нам упоминание разных паворозов. «А принес к ней паворозы шелковые»;¹⁰ «Да приданного дает за нею... ошивка низанная жемчугом... сетка золото с серебром, паворозы алой шолк с серебром... сетка золото с серебром с паворозы».¹¹

«Железные паворозы» — это одновременно и логическое определение, характеризующее материал, из которого изготовлен предмет вооружения, и художественный эпитет, входящий в образную характеристику Романа и Мстислава.

Именно к этому обобщенному образу князей-воинов относится фраза: «Теми тресну земля и многы страны — хинова, литва, ятвязи, деремела и половци сулицы своя повръгоша, а главы своя подклониша под тьи мечи харалужныи».

Предполагаемое толкование подкрепляется данными из истории русского и европейского оружия. «Шелом» русских воинов XII в. крепился на голове следующим образом: сбоку и сзади к нижнему краю шлема прикреплялась сетка из железных колец. Застегиваясь специальными крючками под подбородком, она защищала шею и часть лица воина и в какой-то степени удерживала шлем от падения при ударах. Последнее было особенно важно и требовало дополнительных мер. Шлем русских воинов имел с внутренней стороны матерчатый «подбой», к которому и крепились паворозы. «Чтобы шишак труднее было сбить с головы, с внутренней стороны прикреплялись завязки, обычно шелковые, завязывавшиеся под подбородком».¹² Западноевропейские, «латинские» шлемы XII в. имели в этом отношении отличия. В XII в. в Западной Европе еще не вошел в употребление распространившийся через сто лет цилиндрический шлем, закрывающий лицо, — употреблялись так называемые нормандские шлемы конической формы. «Они одевались сверх капюшона (samail) и прикреплялись при помощи ремешка под подбородком».¹³ Поскольку «samail» —

⁸ А. И. Соболевский. Лекции по истории русского языка, изд. 4. М., 1907, стр. 98.

⁹ Черты нравов из русского быта XVII века. Сообщ. А. И. Соколов. Прилож. IV к в. 83 ПДПИ, стр. 22.

¹⁰ Кунгурские акты XVII в., стр. 11.

¹¹ Известия Тамбовской ученой архивной комиссии, в. XXI, Прилож., стр. 71.

¹² М. М. Денисова, М. Э. Портнов, Е. Н. Денисов. Русское оружие. Краткий определитель русского боевого оружия XI—XIX веков. М., 1953, стр. 54.

¹³ Viollet-le-Duc. Dictionnaire raisonné du mobilier français. Paris, 1874, vol. V, стр. 266.

капюшон из кожи или кольчатой железной сетки с отверстием для лица — одевался под шлем, тесемка, закрепляющая последний, оказывалась не под кольчужной защитой, как это было у русских воинов, а снаружи. Оказываясь легко уязвимой, она уже не могла изготовляться из легкой шелковой ткани, к чему привыкли на Руси: латинские паворозы были ременными и часто укреплялись железными пластинками. Это и привлекло внимание автора «Слова», как всегда использовавшего для символического образа точную систему реальных.
